

УДК: 343.9

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov

Doctor of Law, Full Professor,
Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;
aleksandrignatov@mail.ru

**Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития
человечества. Часть 1: доиндустриальный период**

**Violence as a fundamental trend in the civilizational development of humankind.
Part 1: pre-industrial period**

Аннотация. Осуществлено исследование насилия как многомерного феномена в динамике социо-культурной эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию и рефлексии в контексте традиционного (доиндустриальный период) и техногенного (индустриальный и постиндустриальный период) этапов цивилизационного развития. Выявлено, что на протяжении всей эволюции человечества насилие выступает в качестве одного из фундаментальных трендов данного процесса. Статья посвящена исследованию феномена насилия в социокультурной эволюции человечества в доиндустриальный период цивилизационного развития.

Ключевые слова: насилие, общество, человечество, цивилизационное развитие, тренд, доиндустриальный период.

Annotation. The study of violence as a multidimensional phenomenon in the dynamics of the socio-cultural evolution of humankind and the transformations of the main approaches to its understanding and reflection in the context of the traditional (pre-industrial period) and technogenic (industrial and post-industrial period) stages of civilizational development is carried out. It has been revealed that throughout the evolution of humankind, violence acts as one of the fundamental trends in this process. The article is devoted to the study of the phenomenon of violence in the socio-cultural evolution of humankind in the pre-industrial period of civilizational development.

Key words: violence, society, humankind, civilizational development, trend, pre-industrial period.

Насилие как один из противоречивых и сложных социокультурных феноменов издавна является объектом исследовательского интереса представителей разных сфер гуманитарного и естественнонаучного знания –

историков, философов, правоведов, политологов, культурологов, психологов, социологов, биологов, археологов и др. Результатом соответствующих исследований стали уже вошедшие в научный оборот термины: «антропология насилия» [1], «социология насилия» [2], «социальная антропология насилия» [3], «археология насилия» [4] и т.п. Если первые понятия характеризуют разные формы насилия как специфические поведенческие акты индивидов и групп во внутреннем и межкультурном общении, то последнее отображает его специфику с помощью реконструкции элементов культурных практик (ритуалов, обрядов, военного дела и др.).

В психологии, социологии, политологии насилие рассматривается преимущественно как деструктивное явление. Философское осмысление культурного наследия древних, традиционных и современных обществ позволяет сделать вывод о чрезвычайно сложном и неоднозначном характере феномена насилия. Таким образом, феномен насилия относится к тому узкому, но чрезвычайно важному кругу антропологических проблем, от принципиального решения которых зависят судьбы целых поколений истории [5, с. 94-104].

Исследование природы насильственного поведения, лежащего в основе выделения отдельного вида преступности – насильственной преступности, является одной из важнейших задач криминологической науки и теоретико-методологическим основанием выработки эффективного механизма комплексных мероприятий противодействия как уголовному насилию в частности, так и преступности в целом. При этом специфика данного вида преступности обуславливает изучение, прежде всего, самого насилия как многомерного феномена в динамике культурно-исторической эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию в контексте социального познания.

Одна из основных проблем в исследовании феномена насилия заключается в раскрытии его сущностной специфики, а также, особенностей его репрезентации в различные эпохи становления человеческого общества средствами методологии социально-гуманитарного знания. Подобная проблематизация позволяет выделить и сравнить основные подходы к пониманию насилия в контексте сложившихся в мыслительной культуре ключевых концептуальных трендов, выявить роль и место насилия, а также сформулировать закономерности его применения в социальных отношениях. Применяемый нами интервальный подход [6, с. 34-36; 7; с. 129-133], используемый в качестве методологии многомерного постижения насилия как социокультурного феномена, делает возможным определение его сущностных характеристик в многообразии проявлений и интерпретаций. Такая постановка проблемы способна стать теоретико-методологической основой инновационной концепции криминологии уголовного закона, предполагающей предельно широкое рассмотрение насилия как основного критерия оценки преступности человеческого поведения, который может быть сформулирован с учётом всех социокультурных факторов его социокультурной динамики.

Насилие является характерной чертой не только нашего времени, но и

всех предыдущих эпох культурно-исторической эволюции человечества. Специалисты в области гуманитарного знания связывают рост отрицательных явлений в социальной среде с разными переломными моментами общественных трансформаций.

Для ответа на вопрос о том, какие факторы влияли на историческую динамику и трансформацию феномена насилия в человеческом обществе и его рефлексию социумом, необходимо исследовать насилие в контексте традиционного и техногенного этапов цивилизационного развития. Первый относится к доиндустриальному периоду (традиционное общество), а второй – к индустриальному и постиндустриальному. Такое разделение процесса цивилизационного развития человечества оправдано с точки зрения тех важнейших достижений человечества, которые определили его развитие и переход на современный, качественно новый уровень социокультурной эволюции. Попробуем проанализировать каждый из этапов, уделяя основное внимание роли и месту насилия в жизни человека и общества.

Итак, в контексте заявленной проблемы обратимся к социокультурному анализу эволюции феномена насилия в традиционном обществе.

Анализируя цивилизационные трансформации, Э. Тоффлер абсолютно справедливо утверждает, что большая часть истории человечества демонстрирует себя как «летопись насилия» [8, с. 39].

В традиционных обществах насилие проявлялось в форме крайней агрессивной реакции на «чужого», выражающейся во враждебности и часто приводившей к уничтожению этого «чужого». За владение местом существования и ресурсами велись межплеменные войны, в которых гибли или ассимилировались целые народы. В первобытном сознании «чужой» воспринимался как враг, подлежащий уничтожению, и в глазах охотника эпохи палеолита убийство чужака было убийством в меньшей степени, нежели добыча зверя [9, с. 7-15, 25-27]. В то же время, убийство родственника или причинение ему другого существенного вреда были осуждаемыми и наказуемыми действиями. Здесь кроется стремление, объективно детерминирующееся, к сохранению рода.

Одним из примеров трансформации феномена насилия и его рефлексии первобытным обществом является такое явление, как каннибализм. Обусловленное врожденными инстинктами стремление выжить в условиях жесткого ограничения природных ресурсов, прежде всего, пищи, приводило к употреблению в пищу убитых людей. При этом степень потребности (прямо пропорциональная наличию доступных источников пищи) служила мерилем допустимости уничтожения окружающих – чужаков, родственников, соплеменников и т.п. В дальнейшем, в меру эволюции, примитивизм потребности приобретал форму ритуала, обычая, а расширение ресурсной базы отображалось на регуляции допустимости уничтожения людей той или другой категории (родственников, соплеменников и т.п.).

Расчеты показателей насилия в разные времена и в разных культурных мирах связаны с огромными трудностями. Прежде всего, это чрезвычайная неоднозначность представлений о насилии в разных исторических эпохах и

культурах. Даже более конкретное понятие убийства не поддается однозначному кросс-культурному определению. Как отмечает в своей работе «Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии» А. П. Назаретян, первобытные люди, оставляя «лишних» грудных детей на стоянках и тем самым сознательно обрекая их на смерть, совсем не усматривали в этом деянии акт насилия или убийства [1, с. 72]. Данный пример является яркой иллюстрацией изменений феномена насилия в динамике культурно-исторической эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию в контексте социального познания. Насильственный для нашего современника акт инфантицида не рассматривался представителями доиндустриального общества этапа родоплеменного порядка как насилие, а использовался как социальный регулятор. Налицо очевидная диалектика: насилие в древнем обществе и насилие в современном обществе – разные по своей сути, если не сказать противоположные, понятия, трактовка и применение которых зависит от соответствующего интервала абстракции как совокупности начальных ценностей, традиций, норм, обычаев. Если для нас, носителей ценностей европейского культурного самосознания, акт убийства ребенка – это преступное насилие, то для представителя родового сознания архаического общества – необходимая для выживания мера по поддержке демографического баланса. Таким образом, с давних времен можно наблюдать такой характерный для насилия признак, как его неправомерность (противоправность, запрещенность), что определяет допустимость применения или же непринятие его тем или иным обществом.

В целом, многие источники подтверждают тот факт, что составляющая насильственных смертей в первоначальных сообществах была очень высокой. Например, известный американский ученый, представитель эволюционистского направления в биологии Дж. Даймонд, обобщив свои многолетние наблюдения и критически осмыслив данные коллег, резюмировал: «В обществах с племенным укладом ... большинство людей умирают не своей смертью, а в результате намеренных убийств» [10, с. 27]. К этому следует относить и инфантицид, бывшим стандартным демографическим регулятором, и обычное для первобытных людей истребление чужаков, воспринимавшихся как угроза племени, роду, а также между- и внутриплеменные конфликты.

Таким образом, насилие является более примитивным и естественным способом решения противоречий и конфликтов, чем ненасилие и компромисс. Общий уровень развития первобытного человека, руководствовавшегося инстинктами (и далеко не в последнюю очередь – инстинктом агрессии), определил специфику его поведения, которое для других эпох и культур считается диким и деструктивным. И дело здесь не в «неразвитости рефлексии», в примитивных обществах наблюдается своя рациональность, а именно использование таких поведенческих актов, которые были эффективны для выживания племени и рода.

Тем не менее, нельзя утверждать, что динамика социальных отношений демонстрирует снижение потенциала насилия и интенсивности его эскалации.

Как свидетельствует история, на следующем этапе социального развития – в эпоху господства средневековой религиозной культуры – насилие становится официально санкционированной формой общественной регуляции.

Секулярное общество, базируясь на особом статусе католической церкви и папства в частности, культивировало идею крестовых походов. Так, североафриканский епископ святой Августин в своих религиозно-философских убеждениях сначала выступал против насилия: «Моя начальная мысль, – пишет он, – состояла в том, что никто не должен быть принужден к единству Христову, что нужно действовать словом, биться размышлением, побеждать умом, чтобы не сделать притворными католиками тех, кого мы знали открытыми еретиками» [11, с. 1522-1597], но позднее, созерцая греховное состояние своих современников, утверждал, что они могут быть принуждены к добру лишь силой. Он подчеркивал необходимость применения оправданного насилия, объясняя, что и война может быть законной, если ведется при строгих условиях. Со временем его сложная концепция подверглась значительному упрощению и была использована для демонстрации следующего тезиса: поскольку насилие может быть оправдано, оно приемлемо в глазах Бога. С учетом этого были сформулированы три принципа праведной войны: признание и утверждение ее законного статуса (т.е. объявление войны «законной властью», такой как король или епископ); необходимость защиты от вражеской атаки или возврат утраченной территории («благочестивая причина»); ведение войны с «правильными намерениями», то есть с минимально возможным насилием [11, с. 1522-1597].

Известно, что в течение всей средневековой истории католическая церковь – социальный институт как в Западной Европе, так и во многих других странах – соревновалась со светской властью, претендуя на расширение своего влияния разными средствами, важнейшим из которых стала практика инквизиции. Инквизиция играла роль трибунала католической церкви, карательного органа, инструмента не только религиозного воздействия, но политического и социального насилия. Проводя социально-философский анализ инквизиции как института политического насилия средневековья, О.А. Коврижных указывает: «Политическое и социальное насилие со стороны короля, церкви и папства носило религиозный характер. Ересь преследовалась в том случае, если это было удобно папе, королю или другим высокопоставленным лицам. Одним из дополнительных источников доходов церковной и королевской казны была продажа индульгенций – грамот отпущения грехов, которые оправдывали различные преступления. Торговля моральными принципами и моралью была очень удобной и служила примером преступной деятельности церкви и государства. Политическому и социальному насилию в то время (как и сейчас) оказывали содействие следующие факторы:

- страх (перед богом, людьми, господином (начальником), общественным мнением, совестью и т.п.);
- агрессия, формирующая образ врага;
- суггестия (или внушение, убеждение) как метод манипулирования общественным поведением и сознанием отдельного человека» [12].

Итак, уже в эпоху религиозного средневековья мы можем наблюдать начало одной из ключевых трансформаций феномена насилия: из насилия как способа выживания (так называемого, «низшего насилия») оно трансформируется в «насилие власти», что является характерной чертой современной цивилизации. Человек, который научился еще в первобытную эпоху использовать насилие как средство достижения различных целей (сначала руководствуясь инстинктами, а позднее – более сложным комплексом факторов детерминации поведения и его мотивов), улучшив социовитальные условия своего существования, начинает использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти.

Суть данной трансформации доступно изложил в своей работе «Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI столетия» современный американский исследователь Э. Тоффлер. Рассматривая насилие в качестве одного из источников власти вместе с богатством и знаниями, он подчеркивает, что применение первого источника было наиболее характерным для традиционных, т.е. доиндустриальных обществ. Основное внимание людей той эпохи было обращено на выживание в естественной среде, борьбу за территорию, пищу, жилье. В современных обществах применение насилия характеризует лишь малофункциональную власть – «власть низшего качества», ограниченную и неспособную на диалог и компромисс. Тем не менее, она все же не покидает историческую арену: «Не подлежит сомнению, что насилие, воплощенное в ноже уличного грабителя или в ядерной ракете, может дать пугающие результаты. Тень насилия, или силы, отображенная в законе, стоит за каждым действием правительства, и в результате любое правительство полагается на солдат и полицию в деле придания силы своей воле. Эта вездесущая и необходимая угроза официального насилия в обществе помогает поддерживать систему в рабочем состоянии, обеспечивая рядовые контракты в области бизнеса применением силы или угрозой таковой, снижая уровень преступности, создавая механизм для мирного решения расхождений. Парадоксально, но эта завуалированная угроза насилия дает возможность сделать ежедневную жизнь ненасильственной. Но насилие в целом наталкивается на серьезные препятствия. Прежде всего, оно подстрекает нас носить с собой баллончик с «мейсом» или запускать гонку вооружений, повышающую степень риска для всех. Даже когда оно «срабатывает», насилие порождает сопротивление. Жертвы и уцелевшие ждут первого удобного случая, чтобы нанести удар в ответ. Главная слабость грубой силы кроется в ее абсолютной негибкости. Насилие может быть использовано лишь для наказания. Если коротко, оно – низкокачественная власть» [8, с. 39-40].

В то же время, следует учитывать положительное влияние интенсивного распространения религиозных убеждений в части духовного развития человека, утверждения базовых человеческих ценностей и формирования установки на их охрану. Именно этот фактор сыграл значительную роль в социальной рефлексии насилия, в частности в ограничении его проявлений в жизни человека.

Как абсолютно точно отмечает Д. Хокинс, на самом деле, основатели

мощнейших мировых религий были бы сильно удивлены, узнав о далеко не благочестивых поступках, совершенных от их имени на протяжении всей истории, поступки, которые заставили бы содрогнуться даже язычников. Насилие всегда искажает истину в своих эгоистических целях. С течением времени, духовные принципы, лежащие в основе всех религий, перекручиваются в корыстных целях, например ради достижения власти, денег и других земных благ. В то время, как духовность терпима, религиозность, чаще всего, фанатична. Первая ведет к миру, а вторая приводит к соперничеству, кровопролитию и религиозным преступлениям. Тем не менее, внутри каждой религии существуют скрытые основы духовности, от которых она берет свое начало [13, с. 167].

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что насилие имеет глубинную антропологическую природу: изменяясь на протяжении эпох, насилие не уходит из человеческой жизни, изменяются лишь формы и способы его актуализации. Каждому обществу на определенном этапе его развития соответствует определенный уровень и формы проявления насилия. Используя обусловленную врожденными инстинктами способность влиять (вплоть до физического уничтожения) на окружающих людей, уже в первобытные времена человек научился использовать насилие как средство достижения разных целей, а улучшив на следующих этапах эволюции социовитальные условия своего существования, начинает активно использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти. Уже в эпоху религиозного средневековья, когда насилие становится официально санкционированной формой общественной регуляции, можем наблюдать начало одной из ключевых трансформаций феномена насилия: из насилия как способа выживания оно трансформируется в «насилие власти», что является характерной чертой современной цивилизации. В то же время, духовное развитие человека существенно влияет на социальную рефлексию насилия и специфику его проявлений.

Литература:

1. Назаретян А. П. *Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно-исторической психологии.* – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

2. Денисов В. В. *Социология насилия: критика современных буржуазных концепций.* – М. : Политиздат, 1975. – 212 с.

3. *Социальная антропология насилия / под ред. В. Н. Ярской.* – Саратов : Саратовский гос. технический ун-т, 2005. – 115 с.

4. Бородовский А. П. *Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразит. комплексов).* – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2010. – 110 с.

5. Игнатов А.Н., Семенова Е.Г., Ильянович Е.Б. *Интервальная методология в криминологическом исследовании феномена насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* – 2019. – № 3. – С. 94-104.

6. Лазарев Ф. В. *Интервальный подход: истоки и ключевые понятия //*

Вестник Московского университета. – М., 1991. – № 5. – С. 34–46.

7. Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. *Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129-133.*

8. Тоффлер Э. *Метаморфозы власти / [пер. с англ.]. – М.: АСТ, 2003.*

9. Clastres P. *El arco y el cesto // Alcor, 44-45. Mayo-agosto. – Asuncion, 1967. – P. 7-15, 25-27.*

10. Diamond J. *Guns, germs, and steel. The fates of human societies. – N-Y., London : W. W. Norton & Company, 1999.*

11. Трубецкой Е.Н. *Об истинной религии. Теологический трактат // Мирозерцание блаженного Августина. – Мн. : Харвест, 1999. – С. 1522-1597.*

12. Коврижных О.А. *Социально-философский анализ инквизиции как института политического насилия средневековья // Материалы электронной конференции «Дни науки», 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/2_114585.doc.htm*

13. Хокинс Д. *Сила vs Насилие. Скрытые мотивы человеческих поступков. – СПб. : ИГ «Весь», 2010.*

Literatura:

1. Nazaretyan AP *Anthropology of violence and culture of self-organization: essays on evolutionary-historical psychology. – М.: LKI Publishing House, 2007. – 256 p.*

2. Denisov VV *Sociology of violence: criticism of modern bourgeois concepts. – М.: Politizdat, 1975. – 212 p.*

3. *Social anthropology of violence / ed. V.N. Yarskoy. – Saratov: Saratov state. technical un-t, 2005. – 115 p.*

4. Borodovsky AP *Archeology of violence (interpretation of materials of archaeological, anthropological and depiction. Complexes). – Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2010. – 110 p.*

5. Ignatov A.N., Semenova E.G., Ilyanovich E.B. *Interval methodology in the criminological study of the phenomenon of violence // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2019. – No. 3. – P. 94-104.*

6. Lazarev FV *Interval approach: origins and key concepts // Bulletin of Moscow University. – М., 1991. – No. 5. – S. 34-46.*

7. Ignatov A.N., Ilyanovich E.B. *Methodological foundations of the study of crime // Society and Law. – 2015. – No. 2 (52). – S. 129-133.*

8. Toffler E. *Metamorphoses of power / [trans. from English]. – М.: АСТ, 2003.*

9. Clastres P. *El arco y el cesto // Alcor, 44-45. Mayo-agosto. – Asuncion, 1967. – P. 7-15, 25-27.*

10. Diamond J. *Guns, germs, and steel. The fates of human societies. – N-Y., London: W. W. Norton & Company, 1999.*

11. Trubetskoy E.N. *About true religion. Theological treatise // Worldview of Blessed Augustine. – Мн. : Harvest, 1999. – S. 1522-1597.*

12. Kovrizhnykh O.A. *Socio-philosophical analysis of the Inquisition as an institution of political violence in the Middle Ages: materials of the electronic conference "Days of Science", 2012 [Electronic resource]. – Access mode:*

http://www.rusnauka.com/20_DNII_2012/Philosophia/2_114585.doc.htm

13. Hawkins D. *Force vs Violence. The hidden motives of human actions.* – SPb.: IG Ves, 2010.